

И.А. Барина, Н.М. Нестерова

Пермский государственный технический университет

И.Г. Овчинникова

Пермский государственный университет

«ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ»: К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕРМИНА

Рассматривается проблема определения понятия «языковое сознание». Анализируются различные подходы к пониманию данного феномена, а также имеющиеся дефиниции термина и его возможные интерпретации. Особое внимание уделяется таким свойствам языкового сознания, как диалогичность, культурная обусловленность и дискурсивность. В качестве специального предмета исследования предлагается рассматривать языковое сознание переводчика, в котором эти свойства наиболее ярко выражены.

Сознание, языковое сознание, вербализация, язык, культура, мышление, межкультурная коммуникация, перевод, текст.

Термин «языковое сознание» – один из самых широко используемых в современной лингвистической литературе, но, к сожалению, нужно констатировать, что такое его частое употребление (к тому же в различных контекстах) в определенной степени девальвировало его терминологическую строгость, сделав его неопределенным и весьма расплывчатым. Совершенно права Т.В. Ушакова, когда она пишет: «Ставши в известной мере модным, данный термин в то же время остается недостаточно определенным. Ощущается потребность более ясно понять, в чем его суть, что оно высвечивает в сознании исследователя, какие возможности открывает в исследовательском поле, какие акценты ставит в поле исследовательских проблем» [29]. Трудность определения термина «языковое сознание» связана также с тем, что у него очень широкое референтное поле, однако, как отмечает Т.В. Ушакова, «при всей широте этого референтного поля понятие языкового сознания имеет свою специфику, подчеркивая момент смыкания, совокупности феномена сознания, мысли, внутреннего мира человека с внешними по отношению к нему языковыми и речевыми проявлениями» [29]. Согласно лаконичному определению С.Е. Никитиной языковое сознание – это «такое образование, где ни язык, ни мысль не существуют сами по себе,

но в качестве *целостного развивающегося образования*» (выделено нами. – Авт.) [17, с. 200]. Представляется, что тут мы имеем дело со своего рода парадоксом: всем очевидно, что языковое сознание как феномен, как некое «образование» существует, но точно сказать, что это такое, точно определить, что скрывается за этим столь популярным термином, далеко не просто.

Сегодня, как мы знаем, проблема языкового сознания исследуется очень активно. Словосочетание «языковое сознание» постоянно встречается в названиях как отдельных авторских работ, так и в названиях сборников [см., например, 16; 24; 25; 28; 29; 30]. Проблема языкового сознания обязательно включается в тематику симпозиумов по психолингвистике и теории коммуникации, проводимых Институтом языкознания РАН. И это вполне закономерно, так как именно представители Московской школы психолингвистики наиболее интенсивно исследуют феномен языкового сознания. Но несмотря на такое внимание исследователей, единого мнения относительно того, что следует называть «языковым сознанием», нет. В Московской школе принято определение, предложенное Е.Ф. Тарасовым, согласно которому языковое сознание – это опосредованный языком образ мира той или иной культуры, т.е. «совокупность перцептивных, концептуальных и процедурных знаний носителя культуры об объектах реального мира» [24, с. 4]. Это означает, как пишет Н.В. Уфимцева, что «знания о языке как системе социальных ориентиров являются также частью языкового сознания» [28, с. 112]. В таком случае границы языкового сознания определяются *возможностью вербализации* результатов актов восприятия и переработки информации. Таким образом, согласно Е.Ф. Тарасову, принадлежностью языкового сознания является все «овнешненное» содержание сознания [23]. Подробное рассмотрение определений языкового сознания и принципов его исследования можно обнаружить в работах Т.В. Ушаковой: «Мы знаем, что в принципе любое состояние нашего сознания с той или иной степенью совершенства подлежит вербальному выражению. Об этом с несомненностью свидетельствует как наша бытовая речь, так в еще большей мере произведения писателей, поэтов, литераторов, ученых, философов. Работа профессионалов слова в большой мере состоит именно в том, чтобы выразить в слове свое понимание, мысль, чувство, т.е. состояние сознания. Верно также и другое: сознание людей постоянно и на каждом шагу подвергается словесным воздействиям. Это происходит в каждодневном быту, учебном и воспитательном процессе, на ученых форумах, в политических дискуссиях и обсуждениях» [29]. Указывая на принципиальную равнозначность терминов «языковое сознание» и «речевое сознание», Т.В. Ушакова тем самым выводит содержание языкового сознания за рамки лексикона как совокупности номинативных единиц, поскольку в

речи может быть обозначен любой феномен, не имеющий специальной однословной или идиоматичной номинации. На возможность вербализации любого содержания сознания указывает и И.Н. Горелов [6]. Напомним, что на принципиальной возможности языкового воплощения любой идеи настаивал и В. фон Гумбольдт.

Между тем Н.В. Уфимцева обращает внимание, прежде всего, на лексикализованное, т.е. обозначенное единицей лексикона, содержание сознания и изучает языковое сознание русских на материале лексических ассоциаций [27]. Разработанные Н.В. Уфимцевой принципы анализа языкового сознания позволяют моделировать актуальное состояние языкового сознания этноса и на основе данных текстов восстанавливать предшествующее состояние языкового сознания (там же). Основы такого подхода к феномену языкового сознания в отечественной науке обнаруживаем у Ю.Н. Караулова, предложившего модель языковой личности, включающую лексикон, семантикон и прагматикон [10]. Семантикон языковой личности отражает индивидуальные смыслы, активируемые единицами лексикона национального языка. Языковое сознание, насколько мы можем судить, охватывает семантикон в его отношении к лексикону: взаимосвязи лексических единиц национального языка, обусловленные личным когнитивным и коммуникативным опытом, за счет чего осуществляется «перевод» общеязыкового значения в личностный смысл. Совпадения в когнитивном и коммуникативном опыте членов языкового коллектива, определяющие сходство семантикона, обуславливают возможность реконструкции языкового сознания этноса, использующего национальный язык. Заметим, что в мировой научной традиции наиболее последовательно подобный, в целом лексикоцентрический подход реализует А. Вежбицка, рассматривающая национальную культуру и этнокультурную специфику сознания сквозь призму ключевых слов, именующих некоторые концепты и семантические примитивы [34].

Общераспространенным является положение о этноцентризме сознания как следствии взаимодействия национального языка и культуры, взаимообусловленности языка и мышления [18; 34]. И.В. Привалова в теоретико-экспериментальном исследовании этнокультурной маркированности языкового сознания стремится доказать: «Культурно-обусловленное сознание интегрирует знание о культурных предметах, а также правилах и нормах коммуникативного поведения. Этноязыковое сознание – это ансамбль когнитивно-эмотивных и аксеологических структур, национальная маркированность которых обеспечивает их вариабельность от одной культуры к другой» [18, с. 7]. Кроме того, «образ этноязыкового сознания конституируют функциональные / операциональные единицы трех

пространств: лингвистического, когнитивного, культурного. Эти пространства особым образом структурированы и состоят из функциональных единиц, каждая из которых несет отдельный квант информации» [18]. Напомним, что культурное пространство неоднородно и отнюдь не равно пространству национальной культуры. Этноязыковое сознание приравнивается к языковому сознанию, описываемому в этническом аспекте как модель языкового сознания определенного языкового коллектива, обусловленная национальной культурой. Национальный язык выступает и как средство трансляции культуры [23], и как способ вербального воплощения культурной традиции.

Между тем национальная культура неоднородна, как неоднороден национальный язык в индустриальном и постиндустриальном обществе. Этноязыковое сознание также оказывается многомерным, отражает различия субкультур и вариантов национального языка. Этноязыковое сознание представляет полилог, в котором можно обнаружить «множественность подходов, позиций, оценок, что создает основу для обмена разным содержанием и служит залогом, по М.М. Бахтину, возможности развития, создания нового содержания» [27, с. 162]. Соответственно, этноязыковое сознание интегрирует различные аксиологические системы, представленные в традиционной массовой и элитарной субкультурах [26], если допустить возможность интеграции весьма различных и зачастую противоречивых систем ценностей (в частности, ценностей традиционной и городской или массовой культуры). Напомним, что не обусловленное какой-либо из национальных культур сознание являет собой феномен более высокой степени абстракции, имеющий право на существование благодаря принадлежности каждой из культур человеческой цивилизации [14].

Помимо языкового сознания выделяют сознание *коммуникативное* и *когнитивное* [22]. Когнитивное сознание объединяет всю мыслительную деятельность человека, т.е. когнитивное сознание равно когнитивной, или интеллектуальной сфере. Коммуникативное сознание – «это совокупность коммуникативных знаний и коммуникативных механизмов, которые обеспечивают весь комплекс коммуникативной деятельности человека. Это коммуникативные установки сознания, совокупность ментальных коммуникативных категорий, а также набор принятых в обществе норм и правил коммуникации» [22]. Поскольку коммуникация предполагает знание и использование национального языка, постольку языковое сознание оказывается частью сознания коммуникативного. На наш взгляд, данные дефиниции обладают определенной ценностью, позволяя разграничивать коммуникативную и речевую компоненты при анализе языкового материала, в том числе и полученного экспериментально. Между тем, как нам кажется, апелляция к отдельности типов (модусов?) сознания, обеспечивающих

мыслительную, речевую и коммуникативную деятельность, довольно спорна. Насколько мы можем судить, разграничение коммуникативного и языкового сознания, по существу, совпадает с разграничением коммуникативной и языковой компетенции. В коммуникативное сознание, в отличие от коммуникативной компетенции, включены коммуникативные механизмы. Коммуникативные механизмы не определены, не оговаривается их отношение к механизмам речи, описанным в классической работе Н.И. Жинкина [7]. Преумножение объектов, обозначаемых термином «сознание», не способствует пониманию механизмов речи и характеристике коммуникации как формы социального взаимодействия посредством национального языка.

Как известно, определение языкового сознания предполагает разграничение содержания терминов *сознание, мышление, образ (картина) мира*. Рассмотрим, что эти термины обозначают. Понятия, стоящие за ними, бесспорно, взаимосвязаны, но их референтные поля различны. Так, термином сознание в отечественной научной традиции принято обозначать рефлексивную психическую деятельность, включающую перцепцию, переработку воспринятого и формирование целостной картины мира, содержащей знания и отношения, объекты и самого субъекта в отношении к ним [19; 15]. Ключевым в данном случае является понятие рефлексии, т.е. отношения субъекта к объекту: субъект включен в картину мира как наблюдатель, фиксирующий пространственные, временные и прочие характеристики объекта с определенной субъективной позиции, точки зрения. Полагаем, что интерес к языковому сознанию и его этнокультурной специфике как раз и определяется потенциальной возможностью различных позиций субъекта при обработке воспринятой информации и воплощении знаний средствами национального языка. Неслучайно исследование языкового сознания непременно затрагивает и сферу культуры, поскольку любая позиция члена социума (представителя этноса) культурно обусловлена. Однако сведение культуры только к национальной культурной традиции вряд ли оправданно.

Картина (образ) мира является одним из компонентов сознания. Это целостное и системное отражение реальности составляет основу ориентировки и планирования поведения, в том числе и коммуникативного. Картина мира неоднородна. Общепринятым является разграничение вербальной (языковой) и невербальной картины мира на основании способа кодирования информации [11]. В свою очередь, на основании способа переработки необходимой для формирования картины мира информации различают наивную и научную картины мира [11]. Наконец, в рамках языковой картины мира В.Б. Касевич предлагает выделять собственно языковую и текстовую картины мира, в зависимости от источника

поступления вербальной информации [11]. Научный образ мира представляет собой частный случай текстовой картины мира, поскольку складывается в результате восприятия и переработки информации, содержащейся в текстах, функционирующих в определенной социальной сфере [11]. Думается, что разграничение научной и наивной картин мира принципиально важно, так как научная картина мира в силу принадлежности к узкой социальной сфере и направленности на решение специфических задач стремится к нивелировке этнокультурных различий. По-видимому, языковая картина мира представляет собой, с одной стороны, результат функционирования языкового сознания, закрепленный в лексиконе и грамматике национального языка, который, напомним, не препятствует возможности вербализовать принципиально любое содержание; с другой стороны – основу для ориентировки в коммуникативной ситуации при порождении и восприятии речи.

Мышление сопряжено с сознанием, но не равноценно ему. Мышление представляет одну из высших психических функций, обеспечивающих способность перерабатывать информацию с целью решения различных задач, так или иначе связанных с постановкой вопросов и поисков ответов на них при реализации простой или сколь угодно сложной деятельности. Мышление – необходимое условие становления сознания. Между тем мышление, в силу направленности на постановку и решение задачи, стремится освободиться от национального языка. В отечественной научной традиции, восходящей к культурно-исторической концепции Л.С. Выготского, мышление и языковую способность рассматривают в качестве сопряженных результатов социально обусловленной деятельности [5]. Слово представляет собой орудие психической деятельности – мышления. Речь наряду с вниманием, памятью и мышлением, по мнению Л. Веккера, становится сквозным психическим процессом, пронизывающим все сферы индивида: интеллектуальную (когнитивную), волевую, эмоциональную [4]. Мышление, его различные типы (образное, операциональное, вербальное, символическое), позволяет сформировать картину мира. Различные типы мышления обеспечивают разнообразие способов переработки информации в процессе анализа актов перцепции и синтеза целостного образа мира. Таким образом, изучая языковое сознание, очень важно понимать и не смешивать описанные выше термины и стоящие за ними феномены.

Считаем также необходимым отметить, что мы намеренно оставляем в стороне обсуждение психофизиологии мышления и нейрофизиологических основ языковой (речевой) способности человека. Мы убеждены в том, что рассмотрение феномена языкового сознания не предполагает обращения к нейрофизиологии и нейропсихологии, поскольку феномен сознания

не обусловлен материальным субстратом мышления, сознания и языка – головным мозгом человека. Сознание противопоставляют бессознательному, т.е. неосознаваемому субъектом содержанию психической деятельности. Неосознаваемое психическое в психологии чаще обозначается термином «подсознание»; термин «бессознательное» многие полагают неудачным, ссылаясь на авторитет Д.Н. Узнадзе [21, с. 178]. Подсознание содержит «хорошо автоматизированные и потому переставшие осознаваться навыки и вытесненные из сферы сознания мотивационные конфликты», «глубоко усвоенные субъектом социальные нормы», «те проявления интуиции, которые не связаны с порождением новой информации» [21, с. 180].

При изучении языкового сознания обычно ограничиваются ссылками на закрепленные в национальном языке, но неосознаваемые представления. Насколько мы можем судить, речь идет о подсознании, содержание которого в принципе может быть осознано субъектом. Исследователей языкового сознания интересуют, как это ни парадоксально, как раз противопоставленные сознанию «глубоко усвоенные субъектом социальные нормы» и «проявления интуиции». В таком случае ключевой признак сознания – рефлексивность, отношение субъекта к объекту – полагают точкой зрения, позицией наблюдателя, закрепленной в системе номинаций, прежде всего в лексиконе. Языковое сознание приравнивается к наивному (или обыденному) сознанию, оперирующему наивной картиной мира.

Если полагать, что к языковому сознанию относятся еще и психические механизмы, обеспечивающие речевую деятельность, то возникает дополнительная проблема разграничения сознания и психики применительно к языковой способности и речевой деятельности индивида. Термин «языковое сознание» используют в качестве синонима «психофизиологической речевой организации индивида» [31]. Л.В. Щерба писал о системе языковых представлений как о своеобразном индивидуальном варианте системы языка, подчеркивая социальную ценность языковой системы, описываемой лингвистами. «Психофизиологическая речевая организация» индивида, по Л.В. Щербе, является индивидуальным проявлением языковой системы. А.А. Залевская справедливо полагает, что психофизиологическая речевая организация индивида представляет собой четвертый аспект языковых явлений [8]. Думается, что языковое сознание и психофизиологическая речевая организация индивида – это терминологические сочетания, обозначающие различные феномены. Исследователи языкового сознания подчеркивают, что закрепленные в языке представления характерны для языкового коллектива. Психофизиологическая речевая организация – индивидуальное образование, которое Л.В. Щерба называет «индивидуальным языком», анализируя отношение индивидуального языка к общенациональному и «языкам» различных социальных групп.

Совпадение индивидуальных языков, необходимое для успешного функционирования языка национального, Л.В. Щерба объясняет социальными условиями, единством когнитивного и коммуникативного опыта. Термины «психофизиологическая речевая организация индивида» и «языковое сознание» разграничивают феномены, противопоставленные по шкале «индивидуальное – социальное».

Таким образом, языковое сознание представляет собой такой аспект изучения языкового материала, при котором язык и речевую деятельность рассматривают в качестве отражения ментальных представлений языкового коллектива, как правило, не осознаваемых носителями языка. Языковое сознание – это предмет исследования, а не объект. Языковое сознание как аспект изучения речевой деятельности не предполагает обращения к психическим механизмам ее обеспечения, поскольку механизмы не принадлежат сознанию. Единицы языкового сознания, естественно, не совпадают с языковыми единицами. За единицы сознания принимают концепты, воплощаемые в речи различными способами: словом, словосочетанием, высказыванием. Л.В. Щерба, обсуждая словарь и грамматику, подчеркивает, что концепты «в непосредственном опыте (ни в психологическом, ни в физиологическом) нам вовсе не даны» [31, с. 28]. Иначе говоря, концепт как единица языкового сознания – результат переработки определенного опыта. Языковое сознание (сознание использующего национальный язык индивида, исследуемое в аспекте отражения национальным языком содержания актов мышления), в свою очередь, формируется у индивида в результате коммуникативного опыта, поскольку вне коммуникации освоение языка невозможно, что делает языковое сознание диалогичным и культурно обусловленным. Другими словами, если говорить о языковом сознании в этнокультурном аспекте, то можно сказать, что оно представляет собой полилог субкультур.

Изоморфизм строения языка и культуры подразумевает: подобно тому, как взаимодействуют варианты национального языка, взаимодействуют и субкультуры. Культура существует как традиция, к которой человек приобщается во многом посредством языка. В национальном культурном пространстве приобщение к субкультуре происходит через различные дискурсивные практики. Под дискурсивными практиками мы подразумеваем знакомство с текстами различных типов дискурса, а также общение с носителями различных культурных традиций, поддерживающих различные дискурсивные практики.

Носитель языка всегда полидискурсивен, поскольку социальное взаимодействие невозможно без вовлеченности в разные дискурсы, знакомство с разными культурно и исторически обусловленными типами ментальности.

Мера вовлеченности в разные дискурсы может варьировать от полного отторжения «чужого» дискурса до дискурсивной толерантности и способности определять и оценивать различия в ментальностях. Поскольку дискурс как правила организации коммуникации (как игры) [1] не ограничен пределами национального языка, постольку полидискурсивность не ограничена языковым сознанием, обусловлена способностью перерабатывать не только вербализованные знания. На полилог культур оказывает влияние цивилизационный фактор. Иначе говоря, диалогичность языкового сознания предопределена все тем же трехмерным пространством: когнитивное, коммуникативное, языковое. Когнитивная координата проявляется как ментальность, обусловленная единством отраженного множеством языков разума [1]. Коммуникативная координата организована как дискурсивная практика, как правила организации коммуникации. И только языковая координата непосредственно обусловлена национальным языком. В таком случае коммуникация посредством национального языка так же по сути своей оказывается межкультурной коммуникацией. В частности, В.В. Красных выделяет диахронный и синхронный контексты культурной полифонии и рассматривает коммуникацию между поколениями (диахронный контекст) и коммуникацию в полиэтничном социуме (синхронный контекст) как варианты межкультурной коммуникации [12]. В качестве аргумента межкультурного характера коммуникации между носителями одного национального языка можно рассматривать универсальность расслоения любого национального языка на элитарный (литературный, книжный), разговорный (просторечие – «язык улицы») варианты и диалекты [3; 26]. Любой языковой коллектив в процессе социального взаимодействия «отрабатывает» правила, приемлемые в различных коммуникативных ситуациях, и варьирует языковые средства, используемые в соответствии с правилами. Члены языкового коллектива в большинстве своем так или иначе владеют несколькими вариантами национального языка, что, соответственно, отражается на содержании языкового сознания, делая его полидискурсивным и поликультурным.

С этой точки зрения особо интересным для изучения языкового сознания является сознание переводчика. Совершенно прав Е.Ф. Тарасов, когда он говорит, что именно межкультурное общение открывает новые возможности для исследования языкового сознания. По его мнению, межкультурное общение — это «новая и многообещающая онтология анализа языкового сознания, ставящая новые теоретические проблемы и требующая их решения» [25]. Говоря о новых проблемах, ученый имеет в виду проблему «общения носителей разных национальных сознаний». Здесь он видит новые перспективы в изучении взаимопонимания в процессе

межкультурной коммуникации. Нам же представляется, что особый интерес может представлять личность переводчика, точнее, его языковое сознание, поскольку если в языковом сознании монолингва «взаимодействуют» варианты одного языка и субкультуры, принадлежащие к одной национальной культуре, то в языковом сознании переводчика-билингва (мультилингва) сталкиваются или взаимодействуют варианты не одного национального языка, а также субкультуры не одной культуры.

Более тридцати лет назад немецкий исследователь перевода Герт Йегер определил перевод как вид межъязыковой коммуникации, специфика которого заключается в том, что в отличие от других ситуаций межъязыкового общения перевод является не непосредственным общением, а опосредованным. Это означает, что общающиеся личности контактируют через посредника, коим является переводчик. Ситуации такого общения могут быть самыми разнообразными: от живого неформального диалога двух людей, носителей различных языков, до сложного творческого коммуникативного процесса, примером которого можно считать перевод текстов, принадлежащих далекой (хронологически и типологически) культуре.

В случае такого опосредованного общения возникает дополнительная проблема, связанная с этнопсихолингвистическим различием языковых сознаний участников коммуникативного акта, в котором переводчик должен обеспечить общение и взаимопонимание тех самых разных национальных сознаний. Для этого необходимо, чтобы в сознании переводчика состоялся межъязыковой и межкультурный диалог (точнее, полилог), сопровождающийся неоднократными кодовыми переключениями, другими словами, должна иметь место достаточно сложная автокоммуникация. Представляется, что диалогичность, поликультурность и подискурсивность как онтологические свойства языкового сознания являются особо значимыми для сознания переводчика, и если исходить из того, что текст является «овнешнением» содержания языкового сознания, тогда сопоставление текстов оригинала и перевода может дать исследователям картину соотношения универсального, национального и индивидуального в содержании языкового сознания переводчика как билингвальной личности. Инструментом исследования могут послужить как корпус параллельных текстов, включающий оригиналы и варианты переводов, выполненных различными переводчиками и одним переводчиком в разное время, а также корпус переводческих ошибок.

Особый интерес для исследования содержания языкового сознания должен представлять автоперевод, когда писатель-билингв выступает в роли переводчика собственных произведений. В данном случае автоперевод можно рассматривать как рефлексию билингвального и бикультурного

сознания. Таким образом, считаем, что перевод – это идеальный объект для изучения специфики индивидуального и национального языкового сознания.

В заключение хотим отметить, что рассмотренные выше подходы к пониманию феномена языкового сознания возникли на стыке лингвистики и психологии, психолингвистики и когнитивистики. Однако если обратиться к современной философии постмодерна, то здесь ответом на вопрос о том, что скрывается за термином «языковое сознание», будет «текст». Такой ответ продиктован панъязыковой концепцией мира и сознания, нашедшей выражение во «всеобщей текстуализации» (текстуализация – термин М. Фуко). Сегодня хорошо известны слова Ж. Деррида, ставшие максимой постструктурализма: «ничего не существует вне текста» [33, с. 158]. Это означает, все мы находимся внутри текста, а мир – это безграничный текст, некая «космическая библиотека» (В. Лейч), или «словарь» и «энциклопедия» (У. Эко) [9]. Текстом является и наше сознание.

Список литературы

1. Апель К.-О. Трансформация философии. – М.: Логос, 2001.
2. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – М.: Наука, 1974.
3. Бюлер К. Теория языка. – М.: Прогресс, 2001.
4. Веккер Л.М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. – М.: Смысл, 2001.
5. Выготский Л.С. Мышление и речь.. – М.: Лабиринт, 1999.
6. Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации. – М., 2009.
7. Жинкин Н.И. Язык. Речь. Творчество: Исследования по семантике, психолингвистике, поэтике. – М.: Лабиринт, 1998.
8. Залевская А.А. Введение в психолингвистику: учебник. – М.: Изд-во РГГУ, 1999.
9. Ильин И.П. Постмодернизм. Словарь терминов. – М.: Интрада, 2001.
10. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: УРСС, 2003.
11. Касевич В.Б. Буддизм. Картина мира, язык. – СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1996.
12. Красных В.В. «Свой» среди «чужих» – миф или реальность. – М.: Гнозис, 2003.
13. Крысин Л.П. Русское слово свое и чужое. – М.: Языки славянской культуры, 2004.
14. Леви-Стросс К. Первобытное мышление. – М.: Республика, 1994.
15. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1975.
16. Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М., 1993. – С. 16–21.
17. Никитина С.Е. Генетический метод анализ сознания в психолингвистике // Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности: матер. XV Междунар. симп. по психолингвистике и теории коммуникации. – М.; Калуга, 2006. – С. 199–201.

18. Привалова И.В. Национально-культурная специфика ценностных доминант рекламного дискурса // Язык, сознание, коммуникация. – М., 2003. – Вып. 25. – С. 97–101.
19. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2005.
20. Седов К.Ф. Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации // Антология речевых жанров. – М.: Лабиринт, 2007. – С. 7–38.
21. Симонов П.Н. Мотивированный мозг. Высшая нервная деятельность и естественнонаучные основы общей психологии. – М.: Наука, 1987.
22. Стернин И.А. Коммуникативное и когнитивное сознание / С любовью к языку. – М.–Воронеж: Изд-во ВГУ, 2002. – С. 44–51.
23. Тарасов Е.Ф. Язык как средство трансляции культуры // Язык как средство трансляции культуры. – М.: Наука, 2000. – С. 45–53.
24. Тарасов Е.Ф. Языковое сознание – перспективы исследования // Языковое сознание: содержание и функционирование: матер. XIII Междунар. симп. по психолингвистике и теории коммуникации. – М, 2000. – С. 3–4.
25. Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book1996/index.htm>.
26. Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М.: Индрика, 1995.
27. Уфимцева Н.В. Взаимодействие культур и языков: теория и методология // Встречи этнических культур в зеркале языка. – М.: Наука, 2002. – С. 152–170.
28. Уфимцева Н.В. Язык, языковое сознание и образ мира // ... Слово отзовется: памяти Аллы Соломоновны Штерн и Леонида Вольковича Сахарного. – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2006. – С. 112–114.
29. Ушакова Т.В. Языковое сознание и принципы его исследования [Электронный ресурс]. – URL: http://www.iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_204/1-2.html.
30. Ушакова Т.В. Понятие языкового сознания и структура речемыслительной деятельности // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты. – М.; Барнаул: Изд-во ИЯ РАН, 2004. – С. 6–17.
31. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974.
32. Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода // Избранные работы. – М.: Прогресс, 1985.
33. Derrida J. Of Grammatology. – Baltimore, 1976.
34. Wierzbizcka A. Understanding Cultures through Their Key Words: English, Russian, Polish, German and Japanese. – New York: Oxford University Press, 1997.

Получено 04.10.2010